

Космическое и органическое в поэзии Михайля Семенко

Корнелия Ичин

Михайль Семенко был первым футуристом в украинской литературе. В статье «Футуризм в украинской поэзии (1914-1922)» М. Семенко утверждал, что именно он своим сборником *Дерзания* (объемом 8 страниц, выпущен в Киеве в 1914) привил «бациллу футуризма» в Украине, что с этого сборника началась в украинском искусстве «футуристическая деструкция мирового искусства» (Семенко 2016, 74). Так или иначе, исследователи украинского авангарда согласны с тем, что «национальный футуризм объединяла и цементировала воля только одного человека», т.е. Михайля Семенко, который «в самые трудные времена», когда от футуризма «открещивались наиболее талантливые представители», оставался «верным своим идеям» (Белая 2016, 13-4). На этом раннем этапе творчества учителями Михайля Семенко были Уолт Уитмен, Эмиль Верхарн, Елена Гуро, Игорь Северянин, Андрей Белый, в результате чего в его поэзии нетрудно обнаружить синтез «символистской, импрессионистской и футуристической поэтик», которые дали, по справедливому замечанию А. Россомахина, «парадоксальное сочетание инфантильности и динамизма, беззащитности и агрессии, наивности и эксцентричности» (Россомахин 2018, 53).

Нас будут интересовать космическое и органическое в стихах Михайля Семенко, унаследованные, прежде всего, у поэтов группы «Гилея», в частности, у Елены Гуро. Не случайно Михайль Семенко для своего полного собрания произведений 1924 года, которое подытоживало 12-летие его литературной деятельности (1910-1922), взял эпиграф из Елены Гуро: «Созданное уже не

Kornelija Ičin, University of Belgrade, Serbia, kornelijaicin@gmail.com, 0000-0002-0943-4660

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Kornelija Ičin, *Cosmic World in the Poetry of Mikhail Semenko*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0238-1.12, in Shin'ichi Murata, Stefano Aloe (edited by), *The Reception of East Slavic Literatures in the West and the East*, pp. 137-146, 2023, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0238-1, DOI 10.36253/979-12-215-0238-1

принадлежит тебе». Русская футуристка занимала особое место в его поэтическом мире, поэтому не удивляет, что в стихотворении “Замир” он вносит ее имя в список дорогих его сердцу провидческих художников. изобретателей:

Схопить момент історії	(Схватить момент истории
Щоб перекинуть міст в епоху аеро	Чтобы перекинуть мост в эпоху аэро
Прозріть у світ де сни прекрасно хорі	Прозреть в мир где сны прекрасно больные
Чюрльоніса і Врубеля Сезанна і Гуро	Чюрлениса и Врубеля Сезанна и Гуро).

(Семенко 1985, 63).

Обучаясь в Петербурге в Психоневрологическом институте с 1912 года вплоть до мобилизации в 1914-м, Семенко имел возможность ознакомиться с актуальным футуристическим движением в русской литературе – с *Победой над Солнцем* 1913 года, со сборником *Трое* (1913), с творчеством Михаила Матюшина, Велимира Хлебникова, Алексея Крученых, Владимира Маяковского, Василия Каменского. Импрессионистские настроения, характерные для раннего творчества Михайля Семенко, связаны, пожалуй, с мировоззрением Е. Гуро и художников ее круга (Михаила Матюшина, Бориса Эндера, Ксении Эндер, Владимира Стерлигова, Петра Митурича), объявляющих возврат к природе “органикой”, которую они видели как синтез философии, искусства и науки. Вместе с тем влияние Каллистрата Жакова, преподавателя Михайля Семенко в Психоневрологическом институте, также можно заметить в манифесте поэта *Кверо-футуризм* (1914). С именем Каллистрата Жакова он связывает «лимитивный кверо-футуризм», производящий «синтез всего предыдущего знания» и вносящий «в познание эволюционный принцип» (Семенко 2016, 39), т.е. саму идею искусства как стремления, как процесса, которая легла в основу упомянутого манифеста. К тому же, Каллистрат Жаков размышлял о «способности комбинации представлений», закрепляющейся опытом, отмечал «роль чисел и геометрических фигур в познании мира», которые «неизменны во времени и в пространстве, пребывающие (или подразумеваемые) во всех явлениях природы», о чем более подробно писала Т. Гундорова (2018, 182-83).

Поиски единства и потерянной духовности привели поэтов, художников и философов начала XX века к изучению разных форм древних религий. Среди них Елена Гуро и Михаил Матюшин инициировали органическое направление, основывающееся на природном начале соответствия всего всему. Мир воспринимался ими как органическое целое с саморазвивающейся системой явлений, законы которой объединяли все эти явления воедино. В органическом целом нет подразделения на микро- и макрокосмос, на органическое и неорганическое, везде царит непрерывное становление, постоянное изменение. Этому мироощущению соответствуют установки Михайля Семенко в манифесте *Кверо-футуризм*: «Искусство – это процесс поиска и переживания, без осуществления» (Семенко 2016, 39). Под влиянием органики Елены Гуро и Михаила Матюшина, разрабатывающих в своем творчестве идеи единства человека и природы, а также искусства и науки, возникают и поэтические опыты Михайля Семенко, как, например, стихотворение “Сосны”:

Є щось журливе в колахні сосен	(Есть что-то грустное в колыхании сосен
У дзвоннім шепоті похмурих верховіть	В звонком шепоте хмурых высот
Блакитить небо в душу шле привіт	Голубеет небо в душу шлет привет
А на душі у мене ніч а на душі у мене осінь	А на душе у меня ночь а на душе у меня осень.

Вслухаюсь в плескіт я у музику дерев	Вслушиваюсь в плеск я в музику деревьев
Що в небо простяглись так струнно	Что в небо протянулись так струнно
Вони вбирають все локомотиву рев	Они все впитывают рев локомотива
І божий глас відгукують безшумно	И божий глас отзывают бесшумно

Є щось журливе в сосен колахні	Есть что-то грустное в сосен колыхании
Щось безнадійне шепіт верховіть	Что-то безнадежное шепот высот
Ах я сумую тут і небу шлю привіт	Ах я скучаю тут и небу шлю привет
Ми нещасливі боре у коханні.	Мы несчастны бор в любви);

(Семенко 1985, 64)

под влиянием ранней поэзии Владимира Маяковского, а именно стихотворения “Из улицы в улицу” (1913), написанного экспериментальным ломаным стихом¹, – стихотворение “Город” (1914), оповещающее о новом этапе творчества Михайля Семенко:

Місто

Осте сте
бі бо
бу
візники – люди
трамваї – люди
автомобілібілі
бігорух рухобігі
рухливобігі
berceus кару
сєлі
єлі
лілі
пути велетні
диму сталь
палять
пах
пахка
пахігоска
дим синій
чорний ди

(Город

Осте сте
би бо
бу
извозчики – люди
трамваи – люди
автомобилибили
бегодвиж движебег
подвижнобеги
berceus кару
сєли
єли
лили
пута великаны
дыма сталь
курят
запах
пыхтит
пахитоска
дым синий
черный ды

¹ Ср.: «У-/ лица. / Лица / у / догов / годов / рез- / че. / [...] / Фокусник / Рельсы / тянет из пасти трамвая, / скрыт циферблатами башни» (Маяковский 1955, 38).

м
пускають
бензин
чаду благать
кохатъ кахикать
життедать
життеруех
життебе-
нзин
авто
трам.
(Семенко 1985, 62-3)

м
пускают
бензин
угара умолять
любить, кашлять,
жизнедать
жизнедвижение
жизнебе-
нзин
авто
трам.)

Описания города и прихода весны в город (Петербург) весьма напоминают описания враждебного отношения города (как чуждого, механического начала) к человеку в сборнике *Шарманка* Елены Гуро². В стихотворении Елены Гуро “Город” 1910 года, город сравнивается с бойней: «Пахнет кровью и позором с бойни», все характеристики города передаются мотивами крови, палача, мясника, бича, картонной пустоты, серых случайных прохожих, механики, олицетворенной в автомобилях, автоматах, трамваях (Гуро 1993, 256). И лишь поруганный поэт-пророк, «любовью» и «из мечты» творя поэзию, пытается победить силы смерти, воцарившиеся в городе. У Михайля Семенко находим аналогичную картину – враждебного человеку города:

Життя не є цвітучий гай.
Життя є вулиця шумлива.
Автомобіль або трамвай
Тебе раздавить – будь щасливий.
(Семенко 1985, 48)

(Жизнь не цветущая роща.
Жизнь – это шумная улица.
Автомобиль или трамвай
Тебя раздавит – будь счастлив.)

Если город для него – место социальной несправедливости, расслоения, падения и отчуждения человека, то природа является локусом возрождения человека и его мира, она, как первоначальное и первородное, вселяет волю к творчеству, прославляет жизнь: «я люблю солнце-кровь, и солнце в крови / [...] / солнце / здравствуй – / шлет тебе привет бунтующий Семенко!» (в стихотворении “Солнцекровь”)³. Именно в природе утверждается футуристическое “мы” Михайля Семенко – «шаги молодых ног», которые отождествляются с «быстроногими оленями», готовыми взлететь, ибо они (футуристы)

² См. об этом более подробно в: Ичин 1999, 212-24.

³ По-украински: «я сонцекров люблю і в крові сонце / [...] / сонце / драстуй – / шле тобі привітання бунтливий Семенко!» (Семенко 1985, 53).

– «молодые авиаторы будущего»⁴. Выход из микро в макрокосмос, преодоление земного пространства и попадание в необъятное будущее – это стержень поэтики кверофутуриста Михайля Семенко⁵. Поэтому и «авиатор» для него – символ не только нового человека и нового времени, но и торжества человека над земными преградами в проекте создания интернационального братского отношения между людьми во вселенском пространстве. Лирический субъект в стихотворении «Молодые авиаторы» (1918) приветствует заглавных героев словами:

Я освітляю блиском серця бензинного шум пропелера й шкіряне кепі.	(Я освещаю сердца бензинного блеском шум пропеллера и кожаное кепи.
Руште все огорожене незмінно – інтернаціональте степ!	Все огражденное рушьте с треском – интернациональте степи!)
(Семенко) 1985, 136)	

Органическое единство, связь всего со всем, единство Человека и Космоса, эволюция человека и мира через управление внутренними процессами своего организма и внешними процессами Космоса – это основа космизма Николая Федорова, оказавшего громадное влияние на философскую, научную и художественную мысль конца XIX и начала XX веков. Космизм как учение о взаимоотношении Творца и сотворенного, о космосе как живом организме, в котором существенную роль играет человек, стало главной опорой органики Елены Гуро и Михаила Матюшина, основывающейся на отмене разницы между микрокосмосом и макрокосмосом, органической и неорганической природой, что, в конечном итоге, должно привести к соединению человека и природы/космоса. Поэтому задачей поэта и художника было вникнуть в суть законов природы и показать единство человека и природы/космоса.

Принцип слияния человека и природы обнаруживаем в мотиве “праны” (санкр.), т.е. ‘дыхания’ или пронизывающей Вселенную жизненной энергии,

⁴ По-украински: «Чуете наші кроки / кроки молодих ні? / Ми шукаємо собі місця / прудоконогі олені / [...] / ми, ми – молоді авіатори» (Там же, 52).

⁵ В манифесте *Кверо-футуризм* (1914) Семенко говорит об искусстве как «стремлении», «процессе», «движении», «поиске», уточняя, что «искусство является центробежным процессом, и проявления души он переносит на вещи, которые вне нас, которые раскрываются познанию во все большем количестве категорий» (Семенко 2016, 39). В этом он близок М. Матюшину, который пишет в 1912 году: «Если жизнь и развитие самого малого схожа с жизнью самого необъятного громадного, и сущность их, т.е. душа – может выразиться, и наоборот – самое маленькое понесет в себе самое великое – то значит нет ни одного правильного понятия о видимостях и все перспективы физические и моральные совершенно неверны и их надо искать снова» (М. Матюшин, *Чувство четвертого измерения*, РО ИРЛИ, ф. 656; цит. по: Повелихина 1999, 16), а потом и в 1915 году: «Измерения необходимы для дальнейшего прогресса и борьбы с нашей косностью. Существо, начавшему от улитки, было трудно создать представление и философию мира, узнать законы движения планет, их расстояний, объемы, закон тяжести. Но не должно забывать за жёлудями измерений о дубе жизни» (Матюшин 2011, 206).

который присутствует в стихотворении Михайля Семенко “Привет” (1917), отдаленно отсылающем также к Данко Максима Горького – образцу нового человека:

Розірвіть моє серце, випустіть кров,
заберіть усю прану.

[...]

Візьміть, візьміть моє дихання,
енергію вживте на новий світ.

Тіло моє – для руйнування,
дух – невідомому привіт.

(Семенко 1929, 191)⁶

(Разорвите мое сердце, выпустите кровь,
заберите всю прану.

[...]

Возьмите, возьмите мое дыхание,
энергию пустите на новый свет.

Тело мое – для разрушения,
дух – неведомому привет.)

Отголоски органической концепции обнаруживаем и в раннем стихотворении Михайля Семенко “Мотылек” (1914), в котором поэт, будто вторя Велимиру Хлебникову⁷, раскрывает собственную схожесть с мотыльком:

Я мов метелик я білий білий

Як він химерний як він несмілий

Літаю біло у білім сьайві

Лечу для лету летить у рай він.

(Семенко 1985, 64)

(Я с мотыльком схож я белый белый

Как он призрачный как он несмелый

Летаю в бело в белом сиянии

Лечу, чтобы лететь, летит в рай он.)

Михайль Семенко дружит со стихиями, он догадывается о сотрудничестве человека с ними в целях регуляции природы достижениями техники. Техника должна способствовать преодолению небратского состояния между людьми, устранить в человеке замкнутость на своем мирке во имя большого мира, так как, по мнению Николая Федорова, человек призван вносить «сознание и волю в слепую силу», в природу, должен преобразовывать ее; в качестве примера он приводит роль электричества, при появлении которого господство семейного мирка, его закрытости и от Бога, и от других людей, закончится (ср.: «когда электрическая свеча заменит огонь очага, добываемый из старых, все более и более истощаемых запасов солнечной теплоты [...], тогда эпоха *агни*, т.е. эпоха исключительности, закончится» – Федоров 1906, 328). Отголоски этих идей Николая Федорова можно найти, пожалуй, в стихотворении “Мистическая магистраль” (1918) Михайля Семенко. По-футуристически восхищаясь электрической иллюминацией города, которая отменяет работу неба, поэт все же мечтает о возникновении именно «мистической» магистрали, к

⁶ Эта тема развивается и в стихотворении “Орион. Эюд”: «Люблю нюхать осень. / Люблю вдыхать осеннюю прану» (Семенко 2016, 232).

⁷ Ср. стихотворение 1911-1912 года: «Мчась по текучему лучу, / Летит без воли мотылек. / Он грудью пламени коснется, / В волне огнистой окунется, / Глади, глади, и мертвый лег» (Хлебников 1986, 74).

котро́рой стремя́тся все доро́ги, ибо́ она́ явля́ется за́логом преобро́зованного ми́ра, т.е. со́трудни́чества зе́мли и не́ба, че́ловека и Бо́га, те́хники и при́роды:

Я жду коли вечір своє діло зробіть
Коли рекламно охопить місто профанація
Коли засвітяться вогні і згасне небо
І замигтять в очах святкова ілюмінація.
Я жду хвилі коли шляхи зйдуться
Перетнуться паралелі і збіжаться спіралі
Всі шляхи і напрями уже давно рвуться
Всі шляхи сходяться до містичної магістралі.
(Семенко 1985, 158)

(Я жду когда вечер сделает свое дело
Когда рекламно охватит город профанація
Когда вспыхнут огни и погаснет небо
И замигает в глазах праздничная иллюминація.
Я жду минуты когда дороги сойдутся
Пересекутся параллели и сольются спиралі
Все дороги и направленья давно уже рвутся
Все дороги сходяться к мистической магістралі.)

Однако в стремлении к будущему Михайль Семенко, как и все футуристы, нетерпелив, и поэтому вместо эволюции он предлагает переворот (“Бажання” – “Желание”):

Чому не можна перевернути світ?
Щоб поставити все догори ногами?
Це було б краще. По-своєму перетворити,
а то тільки ходиш, розводячи руками.
Але хто мені заперечить перевернути світ?
Місяця стягнуть і дати березової каші,
зорі віддати дітям – хай граються,
барви, що кричать веснянно – служниці Маші.
Хай би одягла на себе всі оті розкоші!
Тоді б, певно, Петька покохав її, скільки б було сили.
А то ходиш цим балаганом, що звать – природа,
й молиш: о, хоч би вже тебе чорти вхопили!
(Семенко 1985, 57)

(Почему нельзя перевернуть мир?
Чтобы поставить все вверх дном?
Это было бы лучше. По-своему превратить,
А то только ходишь, разводя руками.
Но кто мне запретит перевернуть мир?
Месяц снять с неба и дать ему березовой каші,
Звезды отдать детям – пусть играют,
Краски, что по-весеннему кричат, – служжанке Маше.
Пусть бы надела всю эту роскошь!
Тогда бы, верно, Петька полюбил бы ее изо всех сил.
А то ходишь по балагану, что называют природой,
И молишь: о, пусть бы тебя черти взяли!)

Этим он включается в футуристическую перекройку мира, уже в *Победе над Солнцем* (1913) заданную пленением Солнца, вследствие чего отменяются устаревшие законы пространства и времени: Земля не вертится, нет сме-

ны дня и ночи, нет земного притяжения. Новый мир – это «десятый стран» в состоянии невесомости, где возможен только полет. Об этом мечтает разрушитель старого Михайль Семенко, бросая вызов земному человеку своей космической силой: «потому что хватаю звезды, / Потому что кусаю звезды и плаю на вас». Достичь звезд для Михайля Семенко несложно, в отличие от Владимира Маяковского, который прибегает к помощи Большой Медведицы в стихотворении “Наш марш” (1917): «Эй, Большая Медведица! требуй / Чтoб на небо нас взяли живьем» (Маяковский 1956, 7).

Одержимость федоровским “космизмом”, характерная для русских будетлян, ярче всего у Михайля Семенко выступает в стихотворении “Я” (1918). Перед нами предстает поэтический субъект – «израненный зверь», прибывший на «аэроплане», сочетающий в себе «атавизм» и бесконечность «возможностей футурных», готовый принять участие в общем деле воскрешения отцов Николая Федорова:

<p>І коли встануть всі звірі й люди, І коли кинуться всі предки й вороги, – Я розстебну свою закривавлені груди І покажу, скільки в мене снаги!</p>	<p>(И когда встанут все звери и люди, и кинутся предки и враги из могил, – я расстегну свои окровавленные груди и покажу, сколько есть во мне сил!</p>
---	--

<p>І побачать міць синтетичну й могутню, І попрохають крові на плями й сліди, – Я віддам всю свою силу за хвилю незабутню – Я – вічний, сміливий і молодий! (Семенко 1985, 145)</p>	<p>И увидят синтетическую мощь эти тени, и попросят крови на пятнистых следах, – Я отдам всю свою силу за миг незабываемый, Я – вечный, смелый и молодой!</p>
---	---

И в более позднем стихотворении “Мой рейд в вечность – II” (1928) Михайль Семенко обращается к учению Николая Федорова, в этот раз к его замыслу музейного дела. Упрекая человека сегодняшнего дня за умерщвление жизни тысячелетий, поэт называет обитателей гробниц, будь это фараоны или когорты, – футуристами, о жизни которых свидетельствуют как предметы (зубочистка), так и части тела (кости). Они также «воздвигали стены с зубцами / и в борьбе полегли / костями», поэтому не надо делать «из человека платоновскую идею», а наоборот – воскрешать их жизнь в настоящем. Он призывает современников «благодарить вечность» и оживлять «жизнь вещей», не быть «мертвыми археологами» в деле создания живого музея:

<p>Мільйони сучасних і майбутніх людей – мільйони людей смерті. Так не вмирає життя. Так ми йдемо у вічність. (Семенко 1985, 283)</p>	<p>(Миллионы сегодняшних и грядущих людей – миллионы людей смерти. Так не умирает жизнь. Так мы шагаем в вечность.)</p>
---	---

Видимо, идеи Николая Федорова, сформулированные в его статье “Музей, его смысл и назначение”, нашли свое место в стихах Михайля Семенко. Напомним, что Федоров писал о музее: «Музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших, по их произведениям, живыми деятелями» (Федоров 1913, 371). Согласно Николаю Федорову, вещь должна служить человеку как носитель памяти об умершем и средство к его полному воскрешению, ибо она заключает в себе неповторимые черты своего создателя. Другими словами, каждая вещь материального мира несет в себе мельчайшие частицы рассеянной по планете жизни, и поэтому каждая вещь должна учитываться в общем деле как возможный инструмент воскрешения предков. Поскольку задача музея «воскрешение всего умершего», то музей становится активной, творящей инстанцией в противовес пассивному музею настоящего, основанному на каталогизации, где тотальный каталог является утопическим проектом.

Когда писал стихотворение “Мой рейд вечности – II”, Михайль Семенко завещал будущим археологам-музейщикам активное изучение его личных вещей – зубочистки и чемодана – как предварительный залог в деле его воскрешения.

Цитируемая литература

- Белая, Анна. 2016. “Панфутуризм: между авангардистским бунтом и социальным водительство.” В кн. *Михайль Семенко и украинский панфутуризм. Манифесты. Мистификации. Статьи. Лирика. Визиопэзия*, сост. и науч. ред. Анна Белая и Андрей Россомахин, 13-35. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Белая, Анна, и Андрей Россомахин, сост. и науч. ред. 2016. *Михайль Семенко и украинский панфутуризм. Манифесты. Мистификации. Статьи. Лирика. Визиопэзия*. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Гундорова, Тамара. 2018. “Футуристическая теория пан-искусства Михайля Семенко как грамматика пролетарской культуры.” В кн. *Интермедиаальная поэтика авангарда*: сб. статей, ред.-сост. Корнелия Ичин, Синьити Мурата, и Ирина Шатова, 175-88. Белград-Токио: Филологический факультет Белградского ун-та.
- Гуро, Елена. 1993. *Небесные верблюжата. Бедный рыцарь. Стихи и проза*. Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского гос. ун-та.
- Ичин, Корнелия. 1999. “Мотив шарманки в творчестве Е. Гуро.” *Studia Slavica Finlandensia XVI/I*: 212-24.
- Матюшин, Михаил. 2011. «Творческий путь художника». Коломна: Музей органической культуры.
- Маяковский, Владимир. 1955. *Полное собрание сочинений*, в 13 тт. Том 1. Москва: Гос. изд. художеств. лит-ры.
- Маяковский, Владимир. 1956. *Полное собрание сочинений*, в 13 тт. Том 2. Москва: Гос. изд. художеств. лит-ры.
- Повелихина, Алла. 1999. “Возврат к природе. «Органическое» направление в русском авангарде XX века.” *Studia Slavica Finlandensia XVI/I*: 11-29.
- Россомахин, Андрей. 2018. “Обложка, чреватая расстрелом (загадка обложки поэтической книги Михайля Семенко).” В кн. *Интермедиаальная поэтика*

- авангарда*: сб. статей, ред.-сост. Корнелия Ичин, Синьити Мурата, и Ирина Шатова, 53-63. Белград-Токио: Филологический факультет Белградского ун-та.
- Семенко, Михайль. 1929. *Повна збірка творів*. Том 1: *Арії трьох П'єро*, кн. 1-4. Харків: Державне вид-цтво України.
- Семенко, Михайль. 1985. *Поезії*. Київ: Радянський письменник.
- Федоров, Николай. 1906. *Философия общего дела*, в 2 тт. Том 1. Верный: Тип. Семереченского областного правления.
- Федоров, Николай. 1913. *Философия общего дела*, в 2 тт. Том 2. Москва.
- Хлебников, Велимир. 1986. *Творения*. Москва: Советский писатель.